

Опасность коллективных психологических категорий

Рудольф Роккер

С тех пор, как Гегель научил нас мыслить категориями и осчастливил каждый народ, который казался ему достаточно важным, особой «исторической миссией», данный способ мышления превратился для многих из нас в идею-фикс. Люди привыкли оперировать количеством всеобщности и приходят таким путем к самым дерзким обобщениям, в большинстве своем даже не представляя, что стали жертвами ложных посылок, неминуемым образом ведущих к очень странным выводам.

После того, как Лазарус и Штейнталь со всем мыслимым хитроумием сконструировали так называемую «психологию народов», странствие в этом направлении бодро продолжалось, и мы с неизбежной логикой пришли к абстрактным представлениям о существовании массовой, классовой или расовой души или иным подобным понятиям, которые проистекают из мыслительной акробатики. Под этими понятиями можно понимать все что угодно и ничто. Так Достоевский превратился для нас в толкователя «славянской души», а Гёте – в глашатая «германского духа». Мы дурманим себя этим словесным звоном и радуемся тому, что наш язык обогатился еще одним словесным фетишем; «ведь именно там, где нет понятий, вовремя появляется слово».

Мы на полном серьезе говорим о «народе-индивиде», даже о «государстве-индивиде», причем понимается под этим не, скажем, отдельный человек, принадлежащий к тому или иному народу или гражданин отдельного государства. Нет, в данном случае весь народ, все государство рассматриваются так, как если бы они были отдельным существом, и наделяются определенными чертами характера и психическими качествами. Поймем, что это означает: абстрактное образование, такое как государство или народ, которое призвано передать нам некое социологическое понятие, наделяются определенными свойствами, какие можно обнаружить лишь у отдельного существа. Перенесенные же на коллективное понятие, они ведут к самым чудовищным и ложным последствиям.

Как создаются подобные конструкции, нам со всей ясностью продемонстрировал Лазарус при обосновании своей «психологии народов». Не задумываясь, перенося свойства отдельного человека на весь народ, он глубокомысленно заявил, что от-

дельный человек может рассматриваться лишь как носитель общего духа и лишь в таком качестве может быть носителем идей. Изобретатели различных коллективных психологий идут этим проторенным путем все дальше и дальше. Гюстав Лебон стал основоположником «психологии масс», другие открыли психологию класса, а Чемберлен, Вольтман, Хаузер, Гюнтер и другие стали счастливыми основателями «расовой души». Все они действовали по одному и тому же методу, чохом перенося свойства отдельного человека на классы, нации или расы.

Метод на самом деле очень прост, только вот сильно напоминает о порождении богов. Высказав мысль о том, что человек творит бога по своему собственному образу и подобию, Людвиг Фейербах озвучил великую истину, которая с тех пор только снова и снова находила подтверждение. Но эта истина не только обнажила внутреннюю обманчивость любой религии; она явственно затронула самые глубинные причины нашего человеческого рабства. Создав себе увеличенную копию самого себя в виде бога и наделив жизнью это порождение своей примитивной фантазии, человек сам стал рабом собственного изделия. Он пожертвовал свою действительную жизнь призраку, порожденному его же представлениями. Так творец стал рабом собственного творения, живое бытие попало в плен к мертвой видимости. Божество стало всем, человек – ничем. Чем лучезарнее сиял над человеком свет божественности, тем более жалким и незначительным должно было казаться ему его привязанная к земле человечность. Человек принимался во внимание лишь как носитель и глашатай «духа божьего».

Кто бы сомневался, что изобретатели различных коллективных психологий, которые конструируют своих призраков совершенно так же и на тот же лад, неминуемо придут к такому же итогу? Любое возникшее подобным образом коллективное понятие, в которое человек вдыхает «душу», становится Сатурном, пожирающим в этом случае не своих детей, но своих отцов.

Когда начали оперировать такими понятиями, как «психология масс», вначале всего лишь хотели сказать, что человек, будучи вместе с себе подобными и по случаю охваченный тем же воодушевлением, поддается особому душевному переживанию; оно при определенных обстоятельствах может побудить его к действиям, которых бы он никогда не совершил, будучи предоставлен сам себе. Пока все хорошо. Вне сомнения, подобные настроения существуют, хотя и здесь мы имеем дело с настроением отдельного человека, а не с настроением массы как таковой. Душевные переживания такого рода совершенно очевидным образом проистекают из человеческого чувства социальности и доказывают лишь, что инстинкт социальности является существенной частью нашего человеческого существования. Таким образом возникают настроения всеобщей боли, всеобщей радости или воодушевления, как под прямым или косвенным влиянием человеческого окружения вообще возникает всякое глубокое душевное ощущение отдельного человека. Коллективное выражение человеческого чувства, какое мы можем наблюдать на собраниях больших людских масс, лишь потому столь впечатляет, что здесь с огромной мощью выступает общая сумма всех отдельных ощущений, и вследствие этого душевные переживания отдельного человека чрезвычайно обострены.

Вообще говоря, сходство в ощущениях отдельных людей легко обнаружить не только в связи с большими массами, но и при иных обстоятельствах, и при этом

снова и снова проявляется тот факт, что, несмотря на все отличие людей друг от друга, в них присутствуют определенные общие инстинкты. Так, вынужденное одиночество или вынужденное общение вызывает у различных людей одни и те же душевные переживания, которые во многих случаях могут даже вести к одинаковым действиям. То же самое можно наблюдать при различных проявлениях болезни, при сексуальном возбуждении и в сотнях иных случаев.

Поэтому можно говорить в лучшем случае лишь об индивидуальной психологии, поскольку лишь у индивидов имеются физиологические предпосылки для душевных переживаний какого-либо рода и для впечатлений душевной природы – но не у таких абстрактных образований, как государство, масса, нация или раса. Возникновение мысли вне функций органов мозга или ощущений без нервной системы столь же трудно себе представить, как и процесс пищеварения без соответствующих органов. И, однако же, приверженцы психологии коллективов не обращают внимания на такие мелочи и радостно обобщают всюду. То, что получается в результате, иногда сконструировано весьма остроумно, но совсем малоубедительно.

Принадлежность к тем или иным классу, нации или расе далеко еще не предопределяет совокупность мыслей и чувств отдельного человека. Столь же мало возможно выделить из образа мыслей или склонностей характера индивида сущность нации, расы или класса. Любое крупное социальное образование охватывает людей со всеми мыслимыми чертами характера, умственными способностями и практическими действиями. Между людьми, принадлежащими к подобным образованиям, во многих случаях существует чувство родства, которое, однако же, у индивида является не врожденным, но воспитывается; тем не менее, для оценки целого оно не имеет большого значения. То же самое относится к определенным сходным проявлениям физического и духовного рода, которые вызываются внешними условиями окружающей среды. В любом случае, особенные задатки отдельного человека проступают в процессе его развития куда сильнее, чем все внешние воздействия. Это ясно подметил еще Шопенгауэр, писавший:

«Впрочем, индивидуальное намного перевешивает национальное и требует в тысячу раз большего учета в данном конкретном человеке, чем оно (национальное, – прим. перевод.). Национальный характер, поскольку он ведет речь о толпе, честно говоря, не может особенно похвалиться ничем хорошим. Скорее, в каждой стране в разных формах проявляются человеческая ограниченность, извращенность и дурной нрав, и это именуют национальным характером. Испытывая отвращение к одному и тому же, мы хвалим другого, пока с ним не наткнемся на то же самое. – Каждая нация глумится над другими, и все они правы».

То, что Шопенгауэр говорит здесь о национальности и национальном характере, можно с тем же успехом применить к любой коллективной категории. К тому же, свойства, которые «психологи массы» приписывают в концентрированном виде своим обобщениям, редко соответствуют истине. Часто их следует расценивать как результат личных желаний и, соответственно, как чисто фантастические конструкции. Раса или нация, чьи характерные качества пытается обосновать расовый или этно-психолог, всегда будут соответствовать тому их образу, который он уже сформировал для себя. В зависимости от симпатии или антипатии, которые он испытывает к ним в данный момент, нация или раса будут гениальными, благородными, верными,

идеалистическими, честными – или же духовно неполноценными, расчетливыми, подлыми, материалистичными и склонными к предательству. Даже если он очень постарается остаться справедливым или, по меньшей мере, соблюсти видимость этого, отцом его мысли все равно будет желание. Достаточно сравнить различные суждения, которые в период минувшей мировой войны делались представителями одной нации в отношении представителей другой, чтобы уже не питать никаких иллюзий насчет значения подобных оценок и определений. Впечатление окажется еще более разительным, если для сравнения привести суждения, сделанные в более ранние периоды, и сравнить их с позднейшими. К примеру, гимн французского романтика Виктора Гюго к германским народам или оду английского поэта Томаса Кэмпбелла «К немцам» сравнить по контрасту с позднейшими излияниями националистических современников обеих стран в отношении тех же самых немцев. При этом получится картина, которая должна заставить задуматься даже самого простодушного.

Мы говорили об англичанах и французах, но это отнюдь не означает, что с немцами дело обстоит лучше. Достаточно прочитать чистосердечные излияния немецких расовых теоретиков самого недавнего прошлого о мнимой неполноценности и «тупой душе» тех народов, в чьих жилах не течет «нордическая кровь», и сразу же понятным становится постулат Ницше: «не иметь дело ни с кем, кто принимает участие в лживой расовой дребедени».

Английский философ Дэвид Юм знал своих людей, написав: «Когда наша нация вовлечена в войну с другой, мы ненавидим эту последнюю, называем ее жестокой, вероломной, несправедливой и буйной; себя же самих и наших союзников мы считаем справедливыми, умеренными и мягкими; свои предательства мы называем мудростью, а жестокости – необходимыми. Короче, мы стараемся преуменьшить любую ошибку или присваиваем ей имя той добродетели, которая близка к ней».

Приведем лишь один пример того, как формируются суждения о своей и других нациях – из той «великой эры лжи», которую обезумевшие простофили восхваляют как «стальную закалку омоложения народов». Вот какое милое суждение делала «Пополо д`Италия», орган будущего диктатора Муссолини, о румынах, прежде чем те вступили в войну и встали на сторону союзников:

«Перестанем же, наконец, называть румын нашей братской нацией. Они – не римляне, хотя и нацепили на себя это благородное имя. Это смесь первобытных варварских народов, которые были покорены римлянами, со славянами, печенегами, хазарами, аварами, татарами, монголами, гуннами, турками и греками, и легко понять, какой сброд подонков мог получиться в результате этого. Румын еще и сегодня – варвар и неполноценный индивид, который, к всеобщему посмешищу французов, по-обезьяньи подражает парижанину и охотно ловит рыбку в мутной водичке, если нет опасности, от которой он предпочитает уходить. Это проявилось еще в 1913 году».

Стоило однако Румынии вступить в войну, причем на стороне союзников, как та же самая газета Муссолини писала:

«Румыны теперь самым блестящим образом доказали, что они – достойные сыны древних римлян, от которых они происходят так же, как и мы сами. Это наши самые ближайшие братья, которые теперь, с присущими им мужеством и решимостью,

присоединились к борьбе латинской и славянской рас против германской, – иными словами, к борьбе за свободу, культуру и право против прусской тирании, произвола, варварства и себялюбия. Подобно тому, как в 1877 г. румыны продемонстрировали, на что они способны, сражаясь на стороне наших отважных русских союзников против турецкого варварства, так и теперь они, вместе с теми же союзниками, бросят свой острый меч на весы в борьбе против австро-венгерско-немецкого варварства и склонят их чашу в нашу пользу. Нельзя было ожидать ничего другого от народа, который имеет честь принадлежать к латинской расе, что некогда правила миром».

Весьма благодарной задачей было бы тщательно собрать оценки, сделанные во время мировой войны в отношении различных наций, и сравнить их друг с другом. Собрание такого рода стало бы куда лучшим свидетельством умственного и морального падения нашей эпохи, чем все комментарии историков.

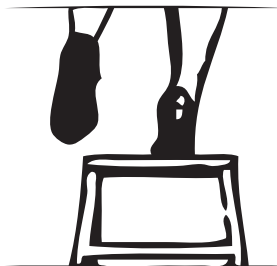
Достаточно взять в руки «Речи к немецкой нации» Фихте, на которые сегодня снова ссылаются патриоты, чтобы увидеть, что даже крупные умы впадали в те же заблуждения. При этом, справедливости ради, нельзя не признать, что речи Фихте несравнимо выше по уровню, нежели пустые творения современного национализма, и во многом содержат идеи, какие было бы напрасно искать у сегодняшних носителей «национальной идеи». Но речь не об этом, а о методе, примененном философом Фихте, чтобы сформулировать свои представления о «немецкости».

Вознамерившись научно обобщить свои особые взгляды на то, что он воспринимал как «немецкое», и то, что, по его мнению, противоречило немецкому духу, Фихте просто выражал идеи, лежавшие в основе его системы философского идеализма. Его немецкость была всего лишь духовным воплощением придуманного им идеала немцев; это было его исконное творение, и оно несло на себе все признаки философской реторты, в какой было сварено. Это особенно заметно в тех местах его речей, острие которых направлялось против его философского противника Гегеля, чей ход мыслей он просто отмел как «ненемецкий».

Но то, что Фихте приписал немцам, помимо своих особенных философских идей, – это качества, какие можно обнаружить в любом народе и на которые ни у кого нет никаких монопольных прав. Даже его представление о некоей «исторической миссии» немцев, в конце концов, есть не более чем молчаливое пожелание, любимая иллюзия, и она не может претендовать на большее внимание к себе, чем «божественные миссии» Боссюэ, якобы предустановленные народам ради осуществления божьего промысла.

Если же отвлечься от тех различий, какие обусловлены естественной окружающей средой, то есть, климатом, строением почвы и подобными воздействиями, и в большинстве случаев заметны и в пределах одной и той же нации, то трудно определить, существуют ли вообще хоть сколько-нибудь существенные различия между нациями как таковыми. В большинстве случаев эти так называемые различия сводятся всего лишь к воспитуемым предрассудкам.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Опасность коллективных психологических категорий

Скопировано 23 декабря 2014 года с <http://aitrus.info/node/140>
Перевод: В.Граевский

ru.theanarchistlibrary.org